

Кирилл Панфилов

**Мост над
рекой
Нум-Хет**

Повесть

Кирилл Панфилов

Мост над рекой Нум-Хет. Повесть

«Издательские решения»

Панфилов К. С.

Мост над рекой Нум-Хет. Повесть / К. С. Панфилов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856025-5

Небольшой мир, в котором так хотелось бы оказаться. Река Нум-Хет,
праздник Глиняных Горшочков, университет в столичном городке. И очень
необычные обитатели.

ISBN 978-5-44-856025-5

© Панфилов К. С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	18
5	23
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мост над рекой Нум-Хет

Повесть

Кирилл Сергеевич Панфилов

© Кирилл Сергеевич Панфилов, 2017

ISBN 978-5-4485-6025-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Свежим сентябрьским утром на мосту над рекой Нум-Хет появилась девушка в развевающемся широком белом шарфе, длинной цветной рубашке, белых шароварах и открытых туфлях «рин», которые носили только модные студентки Эминарской высшей школы. Было совсем рано, и на берегах реки не было почти никого. Только Хадоке, который на днях уже разменял седьмой десяток, чинил свой старый велосипед, сидя в красной листве прямо на земле. Он верил, что велосипед приносит ему счастье, поэтому бережно хранил его.

Девушка лёгким движением закинула длинный шарф за спину, вдохнула полной грудью прохладный воздух и улыбнулась своим мыслям. Она совершенно не переживала по поводу того, что пришлось уйти из высшей школы, – более того, она была убеждена, что этим всё и закончится. Теперь ей хотелось пару-тройку дней отдохнуть, а потом снова устроиться официанткой в кафе «Мелодии ветра». Это было её любимое место в городке: всегда тихо и уютно, тёплый запах свежего кофе и сдобной выпечки, неизменные дядюшка Иэн с газетами и долговязый Райдо по утрам, каждый в своём привычном углу.

Хадоке поднял голову, увидев сквозь красную листву деревьев мелькающий белый шарф, прищурился и узнал Юмиллу, дочку своего приятеля Шпетера. Девушка стала настоящей красавицей, но уж очень редко приезжала из Эминара, так что старик обрадовался и поднялся с колен, чтобы поприветствовать её.

До берега оставалось шагов тридцать, когда деревянный мост вдруг закрипел, покачнулся и, выгнувшись нелепой дугой, обрушился вниз, подняв тучу брызг.

Хадоке облизнул пересохшие губы, вытер ладони о штаны и устремился к крутому берегу. Он знал, что спуститься там к реке почти невозможно, но думал только о том, что должен помочь девочке, хотя воображение рисовало самые страшные картины. Он подбежал к обрыву и тут же шумно вздохнул с облегчением: Юмилла преспокойно сидела на выступе двумя метрами ниже и болтала ногами: одна в туфле, другая босая. Обломки моста виднелись глубоко внизу.

– Юмилла!

– Привет, Хадоке-руми. Как вы думаете, стоит мне спуститься ниже? Я уронила вторую туфлю.

– Чудо ты в перьях. Давай руку.

Девушка встала и легко забралась на берег сама, а потом пожала Хадоке руку и рассмеялась:

– Вы за меня не волнуйтесь, я уже привыкла. Мост вот жалко. И туфли. Вторую придётся выкинуть. – Она разулась и швырнула вторую «рин» с обрыва, потом снова красиво накинула шарф на плечи и спросила: – Как тут дела? Как Эйтери поживает?

– Скрипит помаленьку, что ей сделается, – улыбнулся Хадоке. – Привыкла – это значит, что на твоём счету уже не первый мост?

– Если бы только мост, – вздохнула Юмилла, – а то ещё булочная, полицейское управление, автобусная остановка и бесконечное количество обуви. – Она достала из сумки вторую пару «рин» и обулась.

– Это как?

– Ну... постоянно что-нибудь случается. Стоит мне где-нибудь появиться... Вот даже столовая в школе сгорела, и меня в конце концов исключили.

– Исключили?! – это потрясло Хадоке больше всего.

– Ну да. Я давно этого ожидала. Потому что там с первого дня всё пошло наперекосяк. То одно несчастье, то другое. Я там совсем почти перестала появляться, вот и всё...

– Понятно, – вздохнул Хадоке. – Надо тебе к Минхиори сходить.

– Да я уж сама так думаю...

Минут через десять они попрощались, старик пообещал сам зайти к Юнхораму насчёт моста, проводил девочку взглядом и снова сел чинить велосипед.

Юмилла тем временем забежала домой и перекусила на скорую руку. Никого не было, она написала записку в два столбика: «Я приехала, буду к вечеру и всё расскажу» – и подписалась, постаравшись, чтобы скоропись получилась похожей на почерк «миран». Не зря же она училась в высшей школе. После чего пошла напрямиком к Минхиори.

Непривычно моложавой знахарке было на самом деле лет семьдесят, но ходили слухи, что она нравилась почти всем молодым людям городка. Юмилла и сейчас залюбовалась ею, сидящей за низким столиком в бледно-сливовом просторном платье «никка».

Минхиори, подперев щеку кулаком, взглянула на девушку и буднично произнесла:

– Заклятие, также именуемое в народе сглазом. Чтобы его снять, надо искупаться в вине урожая бургундского 1914 года, а потом с первым криком петухов прочесть молитву на санскрите. После чего голышом пробежать по главной улице, держа в руках красное полотно.

Юмилла тихо присела на краешек стула, сглотнула и спросила:

– Правда? Я санскрита не знаю.

– Можно подумать, у тебя погреба, полные бургундского именно 1914 года.

– Нет, у меня только 1915, – рассмеялась девушка, наконец поняв, что это шутка.

– А теперь слушай серьёзно, – произнесла Минхиори. – Никакого заклęcia нет. Никто на тебя порчу не навел. Просто у тебя есть одна хорошая особенность: оказываться там, где что-то должно произойти. Когда ты маленькая была, на это не обращали внимания, хотя несколько раз тебя вытаскивали из реки, спасали от табуна лошадей и от бешеных водителей. Когда ты подросла, не представлялось случаев, и только один раз ты побывала в доме, где начинался пожар.

– Помню-помню, – сказала Юмилла. Её передёрнуло.

– Ну так вот. А в Эминаре было где разгуляться. Там хоть и столица, но всё ветхое, потому что все смотрят только на внешнюю красоту.

Юмиллу всегда удивляло умение знахарки в нескольких словах совершенно понятно обрисовать ситуацию.

– И что мне делать? – спросила она.

– Не знаю. Бережь себя. Пытайся изменять свои случайные желания.

Они проговорили ещё немного, и девушка пошла домой.

Издаലെка она увидела, что в комнатах горит свет, и ускорила шаг. Навстречу выскочил пёс Нарума, который всегда сопровождал отца на работу, узнал девушку и тут же помчался ей навстречу с радостным лаем, едва не сбил её с ног и принялся трогательно соваться мордой ей в щеки, как будто хотел расцеловать.

– Папа посмотрел на твою записку и сказал, что хочет снова заниматься каллиграфией, – сказала мама, обняв Юмиллу. – Он во дворе, собирает виноград к обеду.

Девушка смущённо улыбнулась. Ей была очень приятна похвала.

К вечеру, когда все новости были рассказаны, переживания по поводу высшей школы стихли, а Нарума со спокойной совестью уснул у ног Юмиллы, она решила провести любимое кафе.

Хозяин, объёмный и добродушный Джалан-руми, встретил девушку с распостёртыми объятиями, объяснил ей, что она ничуть не повзрослела, а когда узнал, что она хочет снова поработать у него, пришёл в неописуемый восторг, ради такого случая позвал весь персонал и мгновенно соорудил небольшое застолье, во время которого Юмилла поняла, что по поводу её возвращения ей ещё не раз придётся переносить массированные атаки на свой желудок.

– Хочешь сегодня остаться на вечернюю смену? – невинно спросил Джалан-руми.

Девушка улыбнулась, подумала и неожиданно для себя согласилась: отдыхать было особо не от чего, а обслужить пару-тройку поздних посетителей, приготовив шоколад с пирогом, не составляло никакой трудности. Она позвонила домой и предупредила, что вернётся за полночь.

После девяти она осталась в «Мелодиях» совсем одна, включила тихую музыку, выбрав из того, что хозяин купил недавно, села за столик и стала листать журналы. За окном крапал мелкий дождик, настроение было спокойное и умиротворённое, девушка улыбалась своим мыслям и упражнялась в каллиграфии на листке для заказов. Неожиданно зазвонил её телефон, она достала трубку и обрадовалась: звонила её подруга, оставшаяся в высшей школе.

– Привет, Тануми!

Подруга едва поздоровалась и сообщила ошеломляющее: сегодня днём был пожар в школе. Хорошо, что выходной, и в зданиях почти никого не было: все спаслись, но высшая школа теперь надолго закрыта.

Наговориться было сложно: обсудили всё, что можно, хотя расстались только вчера вечером. Юмила пригласила подругу в гости, объяснив, как ехать по дальней дороге, где мост ещё цел. Когда она положила трубку, было уже около десяти.

Девушка вышла на порог, вытянула голую руку под спокойный и едва заметный дождик, а потом прислонилась виском к деревянному резному косяку и стала смотреть вдаль, пока совсем не стемнело. Фонарь освещал только небольшое пространство перед порогом. Стало вдруг очень грустно. Она знала, что все девочки с её курса теперь разъедутся по разным городам, а она даже не у всех взяла адреса и телефоны, потому что виделись, пока учились вместе, каждый день, и надобности в этом не было. Собственно, у неё были только телефоны Тануми и Тануки, двух смешливых сестричек с тёмными огромными глазами.

Дождь пошёл сильнее. Струйки воды стали образовывать тёмные змейки на разноцветной плитке у порога. Юмила вернулась в кафе, налила себе крепкого чая с лепестками жасмина и изюмом и снова стала читать короткие и бездумные статьи в развлекательных журналах, пока не наткнулась на рассказ о двух братьях, каждый из которых чувствовал, если другой находился в опасности. Девушку настолько поразило, что сюжет как-то перекликался с её жизнью – далеко не прямо, но всё же, – что она читала и читала, когда колокольчик над дверью вдруг зазвонил, и в кафе вошёл поздний посетитель: высокий и чуть сутулый молодой человек, который первым делом стащил с себя плащ и бросил его на спинку стула, буркнув «доброй» в ответ на приветливое «доброй ночи!» Юмиллы.

Когда девушка принесла ему заказ – кофе и булочки «ламарсан», благодаря которым кафе в своё время стало популярным, – молодой человек уже увлечённо читал журнал, к её досаде тот самый, где остался недочитанный рассказ. Ничего, подумала она, после его ухода дочитаю.

Она взяла свою чашку, устроилась за дальним столиком и отдалась течению мыслей. Потом краем глаза заметила, что молодой человек прервал чтение и неподвижно смотрит в одну точку на стену. Очевидно, в его голове бурлил такой же невнятный поток мыслей. Неожиданно он сказал:

– Вы слышали? Уже перебрали новый мост через Нум-Хет. Прошлый, который сегодня утром обрушился, лет пятнадцать не чинили.

Девушка улыбнулась и ответила:

– Хорошо, что перебрали. Не придётся дальней дорогой ездить.

Она гадала, знает ли молодой человек, что она была на мосту в тот момент. Но он снова замолчал, захлопнул журнал, взял плащ, оставил на столе деньги и молча вышел из кафе. Юмила покачала головой, вышла вслед и увидела только удаляющуюся тёмную фигуру. Убрала деньги в кассу, дочитала рассказ – оказывается, осталось всего полстраницы. Напи-

сала сообщение Тануми о том, что мост уже починили, – звонить не стала на тот случай, если подруга уже легла спать.

Потом вдруг обнаружила, что в кафе появилась книжная полка – в самом тёмном углу. Это для неё не было неожиданностью: скорее, она подумала, что это стоило сделать давно. Она провела пальцем по корешкам, бегло читая названия: несколько сборников классических стихов, рассказы Матеуша, кое-что из мировой классики, особо отметила Гоголя и почему-то несколько словарей: медицинский, чешский, астрономическая энциклопедия. Подборка совершенно случайная, но как оказалось, охватывала многие интересы и вкусы разных посетителей. Было несколько исторических, приключенческих и эротических романов современных авторов, где с первой страницы были видны слащавость и совершенно непритязательный вкус. Но девушка знала, что и у такой литературы много поклонников. В запасе дядюшки Джалана обнаружили также шахматная доска и нарды. Девушка улыбнулась и подумала, что надо бы с ним сыграть в шахматы – он по меньшей мере удивится.

К полуночи так больше никто и не появился, Юмилла заперла кафе и отправилась домой. По дороге она вдруг решила взглянуть на новый мост.

Мост над Нум-Хет, пока ещё сияющий свежим деревом, крепкий и лёгкий, висел в пустоте над рекой, негромкой и терпеливо шелестящей глубоко внизу. Девушка колебалась несколько мгновений, а потом шагнула на мост. Он висел над бездной уверенно и крепко, словно делал это уже лет двести.

Юмилла снова погрузилась в мысли – о школе, о подругах, о последних событиях. А когда почувствовала, что начинает замерзать – ночной воздух всё-таки был прохладным, да ещё над рекой, – поняла, что пробыла на мосту почти полчаса. Она поёжилась и пошла домой. Ещё издали она увидела, что свет горит только в кухонном окне, и с улыбкой подумала, что сейчас ей предстоит пережить ещё одну трапезу.

3 октября 2009

2

Девушка достала тяжёлый том и присела на перекладине, держа во второй руке гроздь рябины. Устроилась поудобнее и раскрыла его на коленях. Лестница была ветхая и слишком уж длинная, в раскрытую дверцу чердака задувал ветер и летели мелкие капли дождя, и колени мёрзли, но любопытство, конечно, было сильнее. А рябину просто жалко было выкинуть: ягоды были крепкие и почти красные, очень красивые.

Когда заметно стемнело, она опомнилась, стащила несколько книг вниз, убрала лестницу на место и в несколько заходов спустилась. В кафе была смена Талины, худенькой молчаливой девушки с грустными глазами, а дом был, как водится, пуст, так что Юмилла была предоставлена сама себе.

За своим столом она устроилась более чем уютно: чашка чая с коричневыми печеньями, кисти рябины, четыре огромные книги с чердака, плед. Девушка подвинула кресло к столу, забралась в него с ногами и принялась за чтение.

В название первой она влюбилась, ещё стоя на шаткой лесенке и увлечённо потроша залежи интересного, покрытого древней паутиной. «Книга заклятий Голубой страны Северных эрлангов». Она открыла том на первой попавшейся странице, прочитала первый абзац:

«Когда рак на Кардиффской горе, плотоядно ухмыляясь, три раза свистнет, засунув в рот два пальца, остерегайтесь: по древнешотландским верованиям, если вы в этот момент стоите левым боком к обнажённой блондинке, теребящей в руке спелый трилистник, и почёсываетесь правой рукой за левым ухом, а из кармана у вас торчит паспорт образца 1963 года, то обязательно либо горячую воду отключат, либо лунное затмение над Канадой будет. Или дождь пойдёт во время свидания. На всякий случай носите с собой кусок чёрного хлеба, натёртый чесноком, и порванную пополам фотографию Дженнифер Лопес, тогда все несчастья вас обойдут стороной».

Девушка отложила книгу на сладкое и сейчас открыла её снова. Оторваться оказалось невозможно, пока в прихожей не застучали по полу когти радостного Нарумы. Юмилла взглянула на полупустую чашку холодного чая, улыбнулась тому, что так увлеклась, и отправилась встречать домашних.

Её ждала приятная неожиданность: вместе с родителями домой зашла и старшая сестра Юнитта, которая в этом году заканчивала Эминарскую школу декоративных мастеров.

Мокрая, но весёлая Юнитта расцеловала сестрёнку, вручила ей зонт, сумку, этюдник и папку с набросками, всё мокрое и блестящее.

– Ты разрушитель уюта, – сообщила ей Юмилла, улыбаясь. Она не видела сестру три недели, но уже соскучилась.

– Кому-то же надо его разрушать, – пояснила Юнитта. – Кто придумал занятия в октябре, неясно. Если я узнаю, то он разочаруется в жизни. – Она аккуратно, двумя пальцами, стащила тяжёлые от сырости сапоги и поставила их в тёмный уголок.

– Воинственная. Я на чердаке такие книжки нашла! Тебе понравятся.

– Сейчас, я хотя бы умоюсь, ладно?

– Разрешаю.

После ужина Юмилла показала сестре свои сокровища, а потом стала разбирать наброски, которые та привезла с собой на выходные. Среди прочих был вид на Нум-Хет сверху: вода, внешне спокойная, неширокой полоской лежала глубоко внизу, и акварельный набросок вызвал в сердце Юмиллы какое-то странное щемящее чувство. На мгновение ей показалось, словно она опять сидит на уступе, а под ногами пустота, куда летят обломки моста. Юнитта заметила, что девушка остановилась глазами на акварели, и сказала:

– Я чуть с ума не сошла, когда узнала. Я понимаю, что ты искатель приключений, но не до такой же степени.

Она принесла по куску пирога и вручила один сестре. Юмилла тут же откусила добрую треть и счастливо улыбнулась.

– Как хорошо сидеть дома, – невнятно сказала она. – Когда твёрдая почва под ногами.

– Это да. – Юнитта достала из сумки пакет и протянула сестре. – Это тебе. От меня.

– Ой. – Юмилла тут же отложила пирог, раскрыла пакет и вынула оттуда бумажный свёрток. Развернула и достала оттуда ещё один пакет, расписанный цветами. А из него – небольшую коробку. В ней оказалась завернутая в подарочную бумагу ещё одна коробочка поменьше. – Ты издеваешься?

– Конечно, – кивнула Юнитта.

Юмилла раскрыла коробку, достала оттуда что-то тяжёлое, умещавшееся на ладони и туго затянутое в цветастый кусок ткани.

– Юни, ты с ума сошла. – Она прекрасно поняла, что внутри, и бережно развернула свёрток. Внутри оказалась безумно дорогая чернильница из набора для каллиграфии, о которой девушка мечтала последние полгода. Юмилла села на колени, рассматривая сокровище на свет, а сестра с улыбкой вручила ей остальное – длинное перо и коробочку с мелочами: сменными пёрышками, камнем для заточки, тканью для рук, подставками для запястий и бог весть чем ещё.

– Ты, конечно, не догадываешься, – произнесла Юмилла тихим голосом, – но я тебя люблю.

Юнитта поцеловала сестру в макушку и сказала:

– А теперь пойдём ужинать.

Через пару дней Юнитта снова уехала в Эминар. Юмилла с утра пораньше проводила её и сразу отправилась на работу: утренние смены она любила не меньше вечерних.

Пышная Эмегильда уже пекла пироги. Кафе было наполнено потрясающими запахами – девушка почувствовала их уже у рощи.

– Привет, Юми!

– Привет, Эме! Как дела?

– Дела вкусно. Попробуй.

– С удовольствием.

Юмилла никогда не боялась поправиться, работая в кафе, поэтому никогда не поправлялась. Из работающих в кафе девушек и женщин ей не завидовала только Талина, которая, если чего и боялась, так это ещё больше похудеть, а потому тоже любила компанию Эмегильды.

Девушка налила чёрного чаю со вкусом земляники и сливок, с удовольствием потянулась, глядя в единственное огромное окно в кафе, и с аппетитом позавтракала. Вскоре пришёл традиционный дядюшка Иэн, приподнял шляпу, основательно сел на место и тут же заполнил стол газетами. Юмилла принесла ему кофе и пирог с клубничным джемом. Шляпа дядюшки Иэна, которая была знакома девушке вот уже года четыре, покоилась на спинке соседнего стула. Она тоже излучала основательность и верность традициям. Газеты были, как заметила Юмилла, сразу на нескольких языках, но те, что на английском и на арабском, дядюшка Иэн просматривал скорее для солидности, не особо вникая в текст. Иначе бы он не держал арабскую газету вверх ногами.

Девушка взглянула на часы: ещё две минуты. И действительно, прошла всего пара минут, раздался характерный деревянный стук, и в кафе, потирая ушибленный лоб и на ходу изящно распрямляясь, вошёл Райдо, длинный и нескладный, в клетчатом костюме и с портфелем. Он тоже был носителем традиций. Он сложно поздоровался с Юмиллой, поклонился дядюшке Иэну, в ответ на что тот привстал и дружелюбно помахал куском пирога. Наконец, подобравшись, Райдо добрался до своего места, аккуратно сел, поднял упавший стул и на время затих.

– Традиционно? – спросила его девушка с улыбкой.

Райдо, рдея, кивнул. Юмилла принесла ему яблочное желе, плетёные пирожки с капустой, несколько пончиков и большую чашку горячего шоколада. Глаза посетителя излучали вселенскую благодарность.

В кафе с утра пораньше также забежали две школьницы, явно прогуливающие физкультуру, краснощёкие от прохладного воздуха. Они тоже заказали по чашке шоколада и по сдобной пышке. Юмилла положила им на поднос по освежающему леденцу и насыпала маленьких марципановых печений за счёт заведения. Девочки с благодарностью улыбнулись.

Юмилла налила в графины свежей воды и поставила на столы дядюшке Иэну, долговязому Райдо и школьницам, принесла узкие длинные стаканы и поставила новые салфетки. Ей всегда нравилось, что такие мелочи создают уют и ощущение дома.

Солнце тем временем поднималось всё выше и уже начало заглядывать в окно. Девушка спустила несколько полосок расписных занавесок «тансан», так что часть рисунка – озеро, горы и летящие птицы – показалась, а остальная часть осталась скрытой на полосках, свёрнутых сверху. Солнце перестало с таким напором ломиться в кафе, с сожалением разбросав по полу только несколько пятен. Хозяин кафе каждые два-три месяца заказывал «тансан» с новым рисунком, поэтому они не успевали надоесть.

Колокольчик снова зазвенел, дверь растворилась, и проход заполнил собой масштабный мужчина в тёмной хламиде, огромных сапогах и с мешком, в котором едва распознавался дорожный саквояж. Он ещё некоторое время деловито топтался на пороге, сбивая грязь с сапог, потом осторожно, по стеночке, едва не смахнув картину, прокрался на место в уголке, устроил саквояж у ног, а широкополую шляпу, вытянутую вверх настолько, что она стала напоминать вязаный носок, приладил на соседний стул. Юмилла обожала наблюдать за посетителями, которых только «персонажами» и можно было назвать. Она снова пообещала себе заняться зарисовками, чтобы не забывать таких забавных посетителей. Захватив кувшин с водой, она принесла новому посетителю меню. Он долго листал вощёные страницы гигантскими пальцами, ерошил волосы, вздыхал и искоса поглядывал на Юмиллу. Она снова подошла к нему:

– Вам помочь, руми?

Он с облегчением кивнул. Девушка предложила ему крепкий кофе со сливками (работницы кафе называли его крестьянским, потому что он очень бодрил и обладал простым, но привлекательным вкусом), рогалики с яблочным вареньем, пирог с грибами и луком и пару греттингентских колбасок. Очевидно, он согласился бы со всем, что ему предложили; через несколько минут Юмилла принесла ему большой поднос с приземистыми чашечками, на которые он взглянул с явным одобрением. Специально для него вместо стакана для воды девушка поставила на поднос большую прозрачную чашку. Мистер Гора немного расслабился, в честь чего чуть не опрокинул кувшин, поймал его на лету, водрузил на место и, затаившись, быстро взглянул на девушку, которая сделала вид, что ничего не заметила. Школьницы исподволь наблюдали за ним и сдержанно хихикали. Дядюшка Иэн улыбался в усы, но это можно было принять за добродушную улыбку по поводу очередной утки в газете.

Юмилла ещё раз оглядела посетителей, вышла на улицу и улыбнулась солнцу, которое, несмотря на прохладную погоду, делало всё возможное, чтобы обогреть окрестности. Было ужасно приятно стоять, подставив лицо лучам солнца, ощущать, как под короткие рукава заползают мурашки, и от этого контраста ещё больше любить мир вокруг. Девушка вернулась в кафе, подала счёт и пару спелых яблок мистеру Горе, записала на счета постоянных посетителей (они обычно расплачивались раза два в месяц) и приняла горку монет от девочек. Через несколько минут кафе опустело: последним его покинул массивный посетитель, рассыпающийся в невнятных благодарностях и с тайным обожанием поглядывающий из-под шляпы на Юмиллу.

Она прибрала столики, села и развернула свежие газеты, которые часто оставлял после себя дядюшка Иэн. В одной из них прочитала, что строительство Эминарской высшей школы уже начато. Это её порадовало, хотя она к школе не имела уже никакого отношения. Словно услышав её мысли, прислала сообщение однокурсница Танука, поздравила с первым понедельником на этой неделе, пожелала семнадцать миллионов улыбок и задала пару вопросов по грамматике родного языка: готовилась поступать в Школу дипломатии. В её головке всегда витали улыбки, лепестки роз, хороводы мальчиков и модная музыка, так что её выбор всех удивил. Юмилла подробно написала ответ и приложила фотографию цветов, стоявших на столе.

Всё очарование утра разрушил следующий посетитель, молодой человек с тонкими красными губами и нарочито аккуратным воротничком. Юмилла сдержанно пожелала ему доброго утра, принесла меню, он выбрал чуть ли не первое попавшееся, развалился на стуле, сев так, чтобы глядеть на девушку, и стал лениво поглощать мороженое. Не доев, он повёл целенаправленную атаку, отпустив не слишком скромный комплимент по поводу груди Юмиллы. Девушка и сама прекрасно знала о своих достоинствах, но комплимент прозвучал уж слишком липко, и она лишь улыбнулась с показным равнодушием. Потом последовали похвалы причёске и ногам девушки. Когда и это не подействовало, молодой человек стал рассуждать о последних веяниях моды и новых автомобилях, вскользь упомянув, что собирается купить «Аквamáрию» этого года выпуска и небесного цвета. В каждом слове его звучало бескорыстное восхищение самим собой, безграничное уважение к своей персоне и трепетное осознание собственной неотразимости. Девушке захотелось на свежий воздух: так бывает, когда начинает тошнить.

Ситуацию спас хозяин, неожиданно нагрянувший и внёсший с собой аромат мокрой земли, свежего воздуха и осенних яблок. Джалан-руми прямо направился к молодому человеку, упёр могучие руки в его столик и доброжелательно посмотрел тому в глаза. Посетитель понимающе кивнул и, забыв одну перчатку, испарился.

– Спасибо, – произнесла Юмилла. – Думала, не дождусь, пока он исчезнет.

– Есть здесь такие, да. Добрейшего дня тебе, Юми.

– И вам не хворать, Джалан-руми, хотя вам это ещё лет сто не грозит.

– Уж чего, а льстить ты умеешь, – хозяин всё же расплылся в улыбке, став похожим одновременно и на Мартовского, и на Чеширского котов. Он придиричиво подошёл к «тансан», протянул было руку к шнуру, опускающему полоски занавесок, но передумал. Всё и так было хорошо. Потирая руки и нос одновременно (Юмилла только за ним знала такое умение), он бегло проверил счета, осмотрел запасы продуктов, поскрёб в затылке и вдумчиво опорожнил кувшин с водой.

– Неси вахту дальше, – наконец, сказал он и покинул кафе.

Девушка улыбнулась, подошла к окну и долго-долго любовалась мягким красно-жёлтым ожерельем деревьев рощицы.

Вскоре пришла Талина, деликатный звук каблуков которой напомнил пустынные коридоры осенней школы, когда было так приятно прогуливать пары вместе с подругами. Талина принесла венок из скрупулёзно чередующихся разноцветных листьев, и не меняя задумчивого выражения лица, водрузила его на голову Юмилле.

– Поздравляю тебя с успешным окончанием смены, – невыразимо серьёзно сказала она.

Виновница торжества рассмеялась. У Талины тоже дрогнули уголки губ: это бывало редко и по значимости приравнялось к выпадению снега в Сахаре. Подруги посидели немного вдвоём за столиком, обсудив новости мирового масштаба, и Юмилла отправилась домой, разбрасывая носками туфлей листья.

6 октября 2009

3

На девушке, которая сидела на переднем сиденье, была лёгкая куртка цвета зелёного чая. Таус знал, что эти куртки в традиционном стиле называются «сурани»: широкие рукава, едва заметная кисть на вороте и вышитый рисунок на левой лопатке. Но такую одежду уже почти никто не носил, поэтому молодой человек с любопытством разглядывал пассажирку – к сожалению, она сидела к нему спиной, так что он видел только красивые каштановые волосы с золотистым отливом, край куртки, да ещё сбоку сумочку того же цвета, но чуть бледнее. На сумочке покоилась её рука с тонкими пальцами и почти без украшений – только лёгкий браслет с двумя маленькими камнями.

Таус подумал, что в Японии традиционная одежда с широкими рукавами была только у именитых людей. Вспомнилась русская поговорка «спустя рукава». Но вот «сурани» очень удобны: они просторны, не стесняют движений и ничему не мешают, а у талии собираются невидимым поясом.

Мимо окон пробежали пустеющие рощицы, и вилась в отдалении речка вечернего цвета, с позолотой. Воздух казался прозрачным, а в салоне автобуса был полумрак, так что Таус вскоре задремал, прислонив голову к окну.

На одной из остановок по пути зашла девушка в чёрном пальто и села недалеко от Тауса, лицом к нему. Он обнаружил это минут пять спустя, когда проснулся. Девушка расстегнула пальто, чтобы было удобнее сидеть. Под ним оказалось короткое светлое платье из тонкой шерсти. Молодой человек исподволь любовался смуглым личиком девушки, которая с лёгкой улыбкой слушала музыку в маленьких наушниках, её стройными ногами и тонкими кистями рук. Он пожалел, что не взял с собой фотоаппарат, но потом подумал, что незаметно сделать снимок было бы не очень удобно, поэтому просто стояло насладиться её обликом прямо сейчас. Тем более, что ехать осталось минут пятнадцать.

На своей остановке Таус, вздохнув, встал и пошёл к выходу. Пассажирка в жемчужно-зелёном «сурани» уже стояла у выхода и сошла первой на той же остановке. Молодой человек подошёл к станции, изучил расписание автобусов, потом зашёл в придорожную закусочную и выпил кофе со сладкой булочкой. Обычно он никогда не брал с собой еду в поездки, предпочитая этому кофе по пути.

Когда он снова вышел на улицу, уже вечерело, и он быстрым шагом направился к мосту.

Таус не был тут уже года два, но помнил дорогу в деталях: узкая тропинка сворачивает налево, орешник, заброшенная будка, потом резко открывается вид на Нум-Хет, деревянный мост, рощица, а дальше первые дома городка.

У него всегда было какое-то чуть щемящее чувство, когда он снова возвращался сюда. Как будто за время отсутствия он что-то пропускал в своей жизни.

Таус перешёл через мост, отметив про себя, что в прошлый раз, кажется, мост выглядел как-то по-другому.

Едва он вышел из рощицы, как чуть не наткнулся на девушку в куртке цвета зелёного чая. Она сидела на корточках и, как ему показалось, что-то высматривала в вечерней траве. Таус подошёл, присел рядом и спросил, потеряла ли она что-то и может ли он помочь. Девушка, придерживая рукава «сурани», в это время осторожно моргала, чтобы со слезой из глаза вышло и то, что попало туда, – по всей видимости, какое-то насекомое, – но попыталась улыбнуться и ответила:

- Да нет, спасибо. В глаз просто что-то угодило, сейчас пройдёт.
- Юмила? – поражённо спросил он.
- Привет, Таус.

Девушка наконец-то почувствовала, что глазу ничего не мешает, осторожно промокнула его салфеткой и поднялась.

– Привет. Не ожидал тебя увидеть. А ведь мы в одном автобусе, получается, ехали.

Юмилла кивнула.

– Почему не ожидал? Я тут живу. К сестре ездила в Эминар погостить.

Они неторопливо шли к домам. Таус спросил:

– Тебя проводить до дома?

– Вот мой дом. Ты уже забыл, где я живу? – удивилась она.

– И правда...

– Пока, Таус.

– До встречи!

Она едва заметно качнула головой, входя в сад. Он ни словом не обмолвился о прошлом, и она не намекнула. Наверное, это значит, что прошлое закончилось. История осталась в прошлом. Наступило будущее. Юмилла любила играть словами.

Дома была только мама: отец уехал в командировку. Девушка возмущённо рассказала маме про Тауса, на что та лишь улыбнулась и позвала пить чай. А от чая Юмилла никогда не отказывалась, тем более от черничного с шоколадными конфетами.

На следующее утро девушка пошла в кафе в утреннюю смену, но осталась до вечера: и Талина, и новенькая девушка, Аймари, отпросились по случаю Дня школы: у обеих родители работали учителями, и девушкам нужно было помочь с организацией праздников и по дому. День, впрочем, прошёл очень легко и быстро: посетители, как на подбор, были вежливые, что не каждый день встретишь. Юмилла вспомнила, как в последнюю поездку в Эминар она зашла в какой-то небольшой продуктовый магазин. Одна продавщица разговаривала по телефону, облокотившись грудью на прилавок, вторая что-то распаковывала. Первую Юмилла решила не беспокоить, у второй громко, вежливо и внятно спросила, продаются ли у них непрозрачные пакеты. Продавщица посмотрела сквозь девушку и стала распаковывать дальше. Поражённая Юмилла подождала секунд пятнадцать, развернулась и вышла. В следующем магазине молоденькая продавщица подала ей пакет, как показалось, ещё до того, как Юмилла успела спросить о нём.

Вечером мама с порога, разделявая мандарин, сообщила, что девушке звонил Таус.

– Симптоматично, – хмыкнула девушка, угостилась долькой мандарина и ушла умываться. – Вот увидишь, – продолжила она фразу через пятнадцать минут, – теперь каждый день будет звонить. А два года я для него не существовала.

– Мужчины вообще странные существа, как я заметила, – доверительно сообщила мама. – Только папе об этом не говори.

Юмилла рассмеялась и принялась за ужин.

На следующий день она сидела дома и увлечённо читала словарь японского языка, когда зазвонил телефон.

– Юмилла слушает.

– Привет, Юмилла!

– О! Таус. Не могу сказать, что твой звонок неожиданный.

– Почему это?

– Ты предсказуем, мачо.

– Хм. Ну ладно. Ты представляешь...

– Вежливые мачо всегда спрашивают у девушек, есть ли у них время поговорить, а не переходят сразу к делу.

– Ой. Ну извини. Есть ли у драгоценной Юми время поговорить?

Девушка подумала.

– Есть.

- Так вот. Ты представляешь, у меня последние дни какая-то беда прямо случилась.
- Какая?
- Сегодня мне нестерпимо захотелось колы. Я подхожу в магазине к холодильнику, вынимаю бутылку, а у неё крышка отлетает, и кола, разумеется, фонтаном наружу.
- Зрелищно, – согласилась Юмилла.
- Это одна беда. Иду домой, локтём чуть не взорвал пакет с чипсами.
- Жалко, что не взорвал, – посочувствовала девушка.
- Ну чего ты. А давеча, когда я заваривал чай, на свежевывытом полу случайно оказалась лужа заварки. Я не знаю, как это у меня получается. Уже два дня подряд то одно, то другое.
- Справляешься?
- Мне ужасно не хватает женского участия. Я сейчас себе чай налил и бутербродов сделал. Кроме того, что сдобная булочка липнет к зубам, пока всё идёт хорошо. Но я опасаясь.
- Сдобная булочка, – задумчиво проговорила Юмилла. – Бутерброды.
- Да! Да! И я планирую лечь и тихо лежать, пока ничего не произошло.
- А я грустно гляжу на одинокий банан. Ты там береги себя. Не зацепи стул. Стол тоже не зацепи. Телефон не урони. Со шкафом осторожнее.
- Шкаф дальше. Ему ничего не грозит. Остальное в зоне риска.
- Ну я спокойна за шкаф.
- Это бы всё ничего, Юми. Но я гадаю, почему бутерброд оказался надкусанным с противоположной от меня стороны.

Юмилла уронила трубку и от смеха упала в кресло. Из трубки всё раздавались воркующие и призывные звуки. Отдышавшись, она снова взяла телефон:

- Ты пока жив?
- Относительно. У меня острая нехватка Юмилл в окружающей среде.
- Я намёков не понимаю и не буду понимать, даже если ты выразишься предельно конкретно и недвусмысленно.
- Это как отказ трактовать?
- Нет, – пояснила Юмилла. – Это просто очередная мудрость из моих уст.
- Я записал. То есть сегодня вечером мне возбраняется повести тебя в кафе?
- Понимаешь, дорогой Тау-руми. Я вчера весь день провела в кафе. Официанткой. И завтра мне предстоит примерно то же самое на полдня. Так что я буду отчаянно сопротивляться и звать на помощь, если ты меня поведёшь в кафе и сегодня.
- Сказать, что я просто удручён – это значит промолчать. А что сможет усладить твою душу?
- Тебе на размышление об этом даются примерно сутки, юноша. А теперь саёнара. У меня тут урок японского.

Таус невыразимо грустно попрощался и повесил трубку. Юмилла улыбнулась и снова принялась за чтение. Потом резко прыгнула с кресла, взяла чистый лист бумаги и перо и, задержав дыхание, вывела в два столбца:

*В цветы абрикоса влюбляешься каждый раз,
Стоит их только увидеть снова весной.*

Полюбовалась размашистой надписью чёрной тушью по светло-бежевой бумаге, положила листок на стол. Вряд ли кто-то, кроме неё, поймёт намёк в этой надписи, подумала она и с чистой совестью пошла гулять. По дороге сорвала небольшую кисть винограда и дошла до реки, наслаждаясь сладкими ягодами, взрывающимися соком во рту.

Метрах в трёхстах от моста была тропинка, которая вела вниз, к самой воде. Летом тропинка зарастала буйной травой, радующейся солнцу, а сейчас растительность около неё напоминала семидневную щетину неопрятного старика: жёсткие стебли высохшей травы, вялый ковёр из налетевших листьев, уже утративших благородный цвет осени.

Виноград уже закончился, так что девушка могла внимательно и вдумчиво спускаться по крутой тропинке. Внизу было любимое место на больших камнях, частично покрытых мхом в местах, где они соприкасались. Юмила села на один из камней и стала смотреть на воду реки Нум-Хет. На древнем языке это название значило: «Седая вода». Осенью это название было особенно понятно. Вся природа вокруг напоминала старость и увядание. Деревья – как пожившие и изведавшие на своём веку люди; равнодушные серые камни вокруг; река, которая при внешней живости была покрыта седой пеной от частых ударов о камни изрезанного морщинами берега.

Иногда брызги долетали до ног девушки. Юмила подумала, что это похоже на острый и колючий взгляд из-под седых бровей.

– До чего же всё уныло, – произнесла она вслух и критически осмотрела себя. Блеклых цветов одежда, почти никакого макияжа. Очевидно, подсознательно она тоже поддавалась настроению холодной осени.

Нерешительно звякнул телефон; девушка достала его и прочитала сообщение от Тауса. Фотография одинокого цветка и несколько слов: «Понял, что тогда я совершил ошибку. Простишь?»

Юмила, как всегда, когда была в глубочайшей нерешительности, потёрла кончик носа. Было сильное искушение написать что-то в духе «Да нет» или... или вообще не отвечать. На последнем она пока и остановилась. Вода всё так же монотонно кипела в реке. Ледяной кипяток. Девушка вздохнула – изо рта пошёл пар, и она поняла, что, оказывается, замёрзла. Кисти рук порозовели. Она потёрла ладони друг о друга и быстро поднялась вверх. На поверхности – девушка всегда фантазировала, что она спускается в какое-то подземное царство – было теплее, и природа не казалась такой гнетущей. Деревья тихо стояли, облачённые в расписные «сурани», под ногами, вжав голову в плечи, прошмыгнула кошка, уносящая в зубах кусок чьей-то украденной сосиски. Спокойствие и ожидание чего-то было разлито в воздухе. Юмила поймала пикирующий вниз красный лист и устроила его рядом с воротом куртки.

Дома мама встретила девушку словами:

– Я достала абрикосовое варенье. Действительно, что-то мы про него забыли. Хорошо, что ты напомнила.

Девушка улыбнулась и пообещала заняться этим вопросом вплотную. После чего написала в ответ Таусу то же самое двестише, дополнив его словами: «Настоящую красоту абрикосов видно после цветения. А когда урожай соберут, будет ли рыцарь так же любить голые осенние деревья, как любил весной их цветы, едва увидев?»

Телефон молчал до поздней ночи. Когда Юмила, второй раз напившись чаю с вареньем и тёплыми булочками, принялась за толстый том истории европейского искусства, снова пришло сообщение: «Я плохой садовник. Я просто случайный прохожий, на миг остановившийся перед красотой твоего цветения».

Девушка проворчала:

– Ну ещё ритуальное харакири сделай в знак своего поражения.

И легла спать. На щеках была едва уловимая полынная горечь от того, что волны воспоминаний никак не могли улечься, но ветер, освобождающий душу от сомнений, уже налетел и смёл все шаткие песочные замки.

Юмила погасила лампу и спокойно заснула.

11 октября 2009

4

– Завтра подъём полшестого утра, – сообщил папа, пустив кольцо дыма в потолок и изысканно отставив трубку в сторону.

– Ты сумасшедший, папочка. У меня завтра работа в первую смену, – доброжелательно отозвалась Юмилла и мило улыбнулась отцу.

– Завтра выходной. У дяди Джалана завтра день закрытых дверей, и он просил передать тебе, что расписание смещается на день.

– О. Семнадцатое число, я и забыла. Ну тем более, выплусь в выходной.

– Слушай, о дочка, слово отца, – пояснил папа. – Если отец сказал, что в пять тридцать, значит, в пять тридцать. Пешком никуда идти не придётся. Почти.

Девушка насупилась.

– Ну и чего я сегодня не так сделала? В чём провинилась? Где и на кого я косо посмотрела? На какой дороге не перевела старушку через перекрёсток? Кому не отпустила грехи? Чью конфету украла?

Шпетер внутренне улыбнулся, но перед дочерью нужно было изобразить полную серьёзность – в тон её же словам.

– Открой форточку, Юмилатэ.

Юмилла, изобразив глубочайшую покорность, встала, открыла форточку, приняла у отца трубку, выбила её о решётку камина, положила на специальную подставку, сделала книксен и села на место.

– Скажи, папочка, этот поступок искупил все мои грехи? Теперь мне не придётся вставать в полшестого утра завтра? – в голосе её сквозила надежда.

– Теперь, боюсь, придётся поднять тебя вообще в пять, – задумчиво проговорил отец. – Да-да, пожалуй, в пять.

Юмилла изобразила ужас на лице.

– Я правильно поняла, что каждое доброе дело добавляет мне в наказание ещё полчаса? Я логически мыслю, что если я буду вести жизнь уличной хулиганки, то мне разрешат спать до полудня? Разбитые коленки мне отлично пойдут.

Шпетер почесал переносицу, надел очки, пригладил бороду и веско молвил:

– Четыре тридцать.

– Молчу-молчу, – поняла девушка. – Это мне за то, что я слишком много болтаю. Хорошо, я буду молчаливой галлюцинацией.

– Я шучу. В районе шести будет достаточно.

Юмилла вздохнула облегчённо:

– Я счастлива.

– А три минуты назад тебе и это казалось неприемлемым, дочь.

– Потому что ты жулик и вымогатель.

– Это ты так с отцом разговариваешь? – поразился он.

– А ты тут кого-то ещё видишь?

Они разошлись, очень довольные друг другом. Юмилла пошла заниматься грамматикой древнего языка, а отец прогуляться с Нарумой.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, она поднялась, недоумённо посмотрела на будильник, который с виноватым видом показывал без десяти шесть и тихонько звонил, вспомнила вечерний разговор и со вздохом поднялась. Долго искала впотьмах тапочки, не нашла и пошла умываться босиком. Ледяная вода и холодный пол привели её в порядок, тапочки тут же нашлись (одна на террасе, вторая под боком у спящего пса), девушка обулась и зашла на освещённую кухню. Отец заваривал в термосе чай и складывал бутерброды.

– Не будет ли угодно, – сонным голосом начала Юмилла, – многоуважаемому папе сообщить мне, куда мы так рано в выходной?

– Там видно будет.

Пёс Нарума недоумённо заглянул в кухню, вопросительно посмотрел на девушку. Она пожалала плечами, выпила воды из кувшина и пошла к машине.

Отец сел за руль, и когда девушка устроилась на переднем сиденье, мягко вывел автомобиль на Абрикосовый проспект, неторопливо проехал вдоль спящих домов и просыпающихся магазинов и кофеен, завернул на улицу Стекольщиков и, осторожно проехав между двумя ажурными колоннами посреди дороги, резко взял высокую скорость и пулей вылетел на окраину городка.

Юмилла в первый момент схватилась за край сиденья, но потом, чуть привыкнув, расслабилась и только машинально упиралась ногами в пол, когда на опасном повороте отец забывал снижать скорость.

Наконец, они вылетели на автостраду, и отец взял вообще запредельную скорость. У девушки захватило дыхание, она чуть удивлённо глянула на папу, невозмутимо дымившего сигарой, но куда более важным ей казалось следить за дорогой и краем глаза выхватывать деревья, пронесившиеся назад, как за бортом самолёта. Пока им не встретилось ни одной машины, и это казалось очень приятным, потому что иначе бы девушка вряд ли смогла сидеть молча.

Внезапно отец сбросил скорость, мягко притормозил и сказал:

– Садись за руль.

Юмилла на мгновение застыла, потом поняла, почему её подняли так рано, проворчала:

– Ну и методы у тебя, папка.

И перебралась за руль.

... Через полчаса она остановила машину и выдохнула:

– Всё. Дальше ты.

Она так и не поняла, что было сложнее: запомнить всё, что было связано с зажиганием, сцеплением, поворотниками, ручным тормозом и переключением передач – или то, что обязательно нужно смотреть в зеркало – или справиться с ужасом при появлении первой машины – или просто выдержать напряжение, которое сковало её с первого мгновения и не отпускало целую вечность – минут пять.

На обратной дороге девушка ревностно следила за всеми движениями отца, которые, к её молчаливой зависти, давались ему очень легко и без напряжения, словно он был единым целым с автомобилем и привык к нему, как привыкают с рождения к своим рукам и ногам.

Отец, словно задумавшись, снова разогнался до сверхсветовой скорости, но вместо городской дороги с размаху свернул на Жонглёрский тракт, на всех парах влетел по просёлочной дороге в просеку и помчался между деревьями, едва ли не задевавшими ветвями боковых стёкол.

– А можно мне осторожно поинтересоваться, куда мы едем? – осведомилась Юмилла.

– В одно из моих любимых мест. Просто полюбоваться морем.

– Морем? – удивлённо спросила девушка.

Шпетер с улыбкой кивнул, но на дальнейшие вопросы не отвечал.

Вскоре деревья расступились, и на опушке обнаружилось огромное каменное строение, которого не было видно за деревьями. Шпетер вышел из машины и пригласил девушку за собой.

Винтовая лестница оказалась бесконечной. Она гулко звенела под ногами с каждым шагом, перила вибрировали, а далеко вверху сиял кусочек неба. Строение снаружи показалось приземистым, но внутри заставляло немного сжаться от осознания своего ничтожества. Юмилла удивилась, что никогда не бывала тут раньше.

Через несколько минут они поднялись наверх и вышли на площадку, где бушевал ветер, было довольно холодно, а за каменными перилами играло тёмное море блёклой жёлтой редющей листвы. Девушка подошла к краю, опёрлась руками на перила и долго-долго любовалась волнами, ходившими по мрачной поверхности листвы, наскоро спрятавшей под собой тайны леса, утренних дорог, заблудившихся путешественников, странных находок и случайных встреч.

Листва, обнажая скудные ветви на верхушках, ходила, как тяжёлое животное, из стороны в сторону, нервно волновалась под порывами, теряла листья гроздьями и куталась сама в себя, пытаясь сберечь остатки тепла давно ушедшего лета. Наконец, девушка оторвалась от зрелища, резко повернулась и сказала:

– Пойдём?

Отец кивнул, и они спустились вниз. Домой ехали неторопливо, по пути подкрепившись чаем и бутербродами. Дома Юмилла почему-то очень долго думала о том, каким оказался лес сверху. Как он волновался, жил своей непостижимой жизнью, чем-то мучался, а может, и был совсем равнодушен, подчиняясь воле слепых порывов ветра. Никаких аналогий в мыслях не возникало, ничего не открылось заново, но почему-то казалось, что это впечатление очень важное. Девушка взяла лист бумаги и медленно, знак за знаком, записала свои впечатления в семь небольших ровных столбцов. Вклеила лист в свой дневник, в который писала очень редко, и спрятала под подушку.

Вдруг подумалось, что лес напоминает город. Суета, постоянное движение, каждый сам по себе, в ветер все кутаются и пытаются быстрее исчезнуть, теряют листья и молчат...

Часы в гостинной пробили десять утра.

Срочно потребовалось разбавить одиночество. Юмилла позвонила Талине, и они договорились встретиться через час в центре и прогуляться вместе. Едва она положила трубку, как телефон зазвонил сам, девушка вздрогнула и подняла трубку.

– Аллю?

В трубке таинственно дышали. Потом раздались гудки. Юмилла пожала плечами, укуталась в плед и, взглянув на часы, решила прочитать страничек десять книги, которая лежала у подушки. Телефон звякнул снова, но тут же замолчал. Девушка нахмурилась: стало неудобно. Наконец, телефон опять жалобно и протяжно зазвонил, Юмилла схватила трубку и сказала:

– Не молчите в трубку, пожалуйста.

Её озарила внезапная догадка: Таус?

– Доброе утро, Юми, – раздался голос в трубке. Таус.

– Тау, признайся честно, это ты звонил ещё два раза?

– Полтора, – уточнил голос в трубке. Он казался уставшим и слегка растерянным.

– У тебя явно что-то стряслось.

– Ну вообще да... – Он замолчал.

– От тебя ушла девушка? – терпеливо спросила Юмилла, глядя на жёлтый лист, приклеившийся к стеклу снаружи. Неужели дождь?

– Откуда ты знаешь?

– Ну а что ещё у тебя может стрястись. – Нет. Не дождь. Просто лист застрял кончиком в деревянной раме, прижался к стеклу и зяб на ветру. Юмилла почему-то представила, как если бы она оказалась совсем раздетой на ветру, где некуда спрятаться, кроме продуваемого деревянного строения. Захотелось натянуть плед до носа.

– Наверное, я тебя отвлекаю, – наконец, сказал Таус.

– С одной стороны, на такие вопросы вежливые люди никогда не ответят «да», – проговорила девушка. – С другой стороны, если не ответить «нет», можно действительно забыть обо всех делах.

Её неожиданно стал раздражать Таус. Почему его нужно постоянно развлекать и поддерживать, как маленького? Девушка осадила себя: ей стало неприятно, что она почувствовала раздражение к человеку, который относился к ней довольно уважительно, хотя и забыл о ней года на два. Она постаралась говорить теплее, и попросились они очень доброжелательно, договорившись встретиться на следующий день. Отложив книжку, Юмилла подумала, что она поступает очень непоследовательно, и стала собираться.

Талина ждала её у магазина «Глобус», что было хорошей идеей: в книжном было тепло, пахло кофе и, наконец, оказалось очень много книг. Это отвечало пристрастиям обеих подруг. Талина между делом рассказала о встрече с очень необычным молодым человеком. Это было знаменательно: её редко занимали молодые люди, потому что требования к представителям семейства принцев у неё были очень строгие. Сейчас же, по всей видимости, даже она немного увлеклась. Юмилла с удовольствием слушала мягкий голос обычно молчаливой подруги.

Потом почти без перехода Талина рассказала, что вчера вечером ей звонил Таус, старый её знакомый, рассказал, что у него душевная драма и даже уговорил встретиться и поболтать в дружеской обстановке. Юмилла рассказала об утренних звонках, девушки пришли в замечательное настроение и решили, что из двух вариантов – прийти на встречу вместе или вообще не прийти – вселенская справедливость заключается в том, чтобы обеим не прийти. В связи с чем было очень логично и последовательно решено, что всё-таки стоит встретиться с ним вместе и мудро выслушать его терзания. Осталась мелочь: назначить ему встречи в одно и то же время. После стратегического планирования за чашечкой кофе и пирожными был выработан гениальный план: Юмилла назначает встречу на четыре часа пополудни, а Талина на пять тридцать. Юмилла опаздывает, звонит ему и просит задержаться. Опаздывает всё сильнее, Таус нервничает и пытается дозвониться Талине, чтобы перенести встречу, но она не берёт трубку. Наконец, они обе входят в кафе, где назначена встреча, с разных входов.

Очень довольные друг дружкой, после обеда девушки расстались до завтра. Юмилла пришла домой и села за очередной урок японского.

К вечеру полил дождь и начал грохотать гром. Было очень уютно слушать тихую музыку, прерываемую раскатами, от которых временами дребезжали стёкла, пить горячий чай, сидя с ногами в кресле, и читать про Сантьяго и Тиэко...

Утром дождь так и не закончился. Юмилла добежала до кафе, повесила мокрый плащ, наскоро причесалась и начала готовить помещение. Особого наплыва посетителей не ожидалось, впрочем, так что несколько часов до смены Аймари прошли очень спокойно. Юмилла любила эту девушку, чуть легкомысленную, но приветливую и добрую. Благодаря ей она сдружилась с Талиной, до этого казавшейся ей довольно замкнутой. Когда хозяин кафе раскричался по поводу какой-то провинности Аймари и хотел было уволить девушку, Талина написала на листке бумаги заявление об уходе и принесла ему. Он удивился, и Талина объяснила ему, что ей неприятно будет работать в заведении, где нет никакого уважения к сотрудникам. Джалан разозлился было ещё больше, но тогда Юмилла тоже написала заявление и с улыбкой протянула ему. «Самураи», – проворчал хозяин и повысил всем трём девушкам зарплату. Юмилла после этого подошла к Талине и похвалила за смелый поступок. Они разговорились, выяснили, что у них масса общих знакомых, и с тех пор общались каждый день.

Аймари пришла на работу прямиком со свидания с большим букетом свежих роз, мокрая и очень довольная, засыпала Юмиллу новостями и комплиментами. Настроение сразу поднялось до небес. Девушка позвонила Талине, и над Таусом решено было смилостивиться: отменить встречу совсем – по крайней мере, до хорошей погоды.

На следующий день Юмилла узнала, что молодой человек уехал из городка насовсем. Стало немного грустно, как будто очередное лето прошло, не успев начаться. Выходной девушка встретила, стоя у окна и любясь на струйки дождя, медленно сползающие вниз

по стеклу. Она подумала, что это слишком похоже на слёзы. Вытерла влажные щёки и пошла завтракать.

Осень пробралась в каждый уголок дома и напоминала о себе каждую секунду.

25.10.09

5

– Меня зовут Люминиция, – сказала первая девушка.

– А меня Архелия, – сообщила вторая.

– Меня Радосвета, – улыбнулась третья.

– А меня Франческа, – развела руками четвёртая.

Таус почесал затылок. Он немного освоился и уже не так смущался при виде четырёх девушек в полупрозрачных одеяниях и с ужасающе светящейся зеленоватым кожей. Правда, ноги всё равно немного тряслись. Имена русалок тоже немного привели его в замешательство. Он тут же половину забыл, а половину перепутал, но утешал себя тем, что любой на его месте поступил бы так же: забыл и перепутал бы.

Ноги, собственно, тряслись не от испуга и даже не от неожиданности, хотя повстречать за углом Мрачной Таверны четырёх русалок – событие не совсем обыденное. Но забираться на крутую гору с велосипедом на плече оказалось трудновато. Путь до Чудесной горы и первая половина крутой тропинки вверх были терпимы. Потом пришлось спешиться: показывать, какой он сильный, было некому.

Таус поднялся на гору, напевая сбитым голосом песенку про четырнадцать французских морячков, собрался было заглянуть в таверну, но тут где-то за углом раздался смех, любопытство пересилило, он оседлал велосипед и выехал на задний двор строения. И остановился как вкопанный. На пустынной вечерней площадке четыре зелёные девушки ловили кота и звонко смеялись.

Тихо-тихо, чтобы не разрушить очарования благородного безумия ситуации, Таус прислонил велосипед к неровной стене и присел в тени, любуясь русалками. Одежды их были потрясающе притягательными: почти полностью прозрачными, но тем не менее не дающими никакого намёка на то, что под ними скрывается. Распущенные тёмные волосы, венки из диковинных цветов, ожерелья и браслеты, развевающиеся ленты в волосах, матовые сандалии и тонкие цветочные узоры на лицах – праздник Томария был в самом разгаре. Семь тёплых дней, которые осень отпускала жителям городка, всегда праздновались с большим размахом. Жгли костры, запускали птиц с привязанными записками, пекли фрукты на огне и выбирали женихов и невест с завязанными глазами, танцевали в полночь при свете бумажных фонариков, а смелые купались, потому что вода в эти дни снова становилась чуть теплее, а главное – дарила силу любви, поэтому кое-кто из молодёжи старался провести в заводях Нум-Хет побольше времени. Что, правда, чаще приводило не к победам в постели, а к постельному режиму и компрессам.

Об этом Таус старался не вспоминать: как-то он с разбегу нырнул в реку, а выскочил как ошпаренный под смех приятелей: вода показалась обжигающе ледяной. Да ещё какая-то мелкая рыбёшка, очевидно, с испуга цапнула его зубастой пастью за ногу. След кровавый тянулся по сырой траве до тех пор, пока одна из подруг не увидела и не бросилась на помощь.

Девушки, переодетые русалками, вскоре заметили молодого человека, впятером они быстро изловили кота, привязали ему голубой и розовый банты на шею, а потом как-то само собой произошло знакомство. Таус гадал, как русалок зовут на самом деле: голоса как минимум двоих были ему очень знакомы, но девушки так разукрасились, что узнать их было невозможно.

Минут через пять, ведя бедного кота на поводке, они одновременно с весёлым шумом протиснулись в двери таверны, причём как молодой человек ни старался проявить галантность, пропуская девушек вперёд, ему не дали, и он очутился в самом центре, со шляпой на одно ухо и с намотанным вокруг запястья поводком. Хозяин с приклеенным носом размером с баклажан (и такого же цвета) провёл их к только что освободившемуся столику, принёс дымящуюся кар-

тошку с грибами и пенящийся «аламур», солоноватый бодрящий напиток, который отлично утолял жажду, но которым нельзя было напиться. И ещё официантка в костюме феи с Кельских озёр принесла зелени, сладкой редьки и целый горшок сочных ягод. Она тут же убежала к другим посетителям, а Таус проводил её стройную фигуру в струящемся платье долгим взглядом, за что получил веером по уху от одной из соседок-русалок, которая наставительно произнесла:

– Мне кажется, и тут есть на кого полюбоваться.

Под взрывы смеха молодой человек пытался угадать, кто из них кто. Одна из девушек (кажется, Люминиция) уж слишком напоминала Талину молчаливой таинственностью и тонкими чертами разрисованного лица, а вот у второй (Архелия?) он заметил на тыльной стороне ладони крошечный шрам, вроде бы как у Юмиллы. Но вот голос был не её... Кажется. Её голос был у другой, у Радосветы. Сколько он ни вглядывался в лицо Франчески, так и не смог даже догадок построить, правда, за слишком пристальный взгляд получил меткое попадание ягодой прямо в лоб. Остальным девушкам эта затея понравилась, и Таус вынужден был спастись под столом. Кот меж тем забрался на стол и вдумчиво поедая картошку с грибами, уже не обращая внимания на свои бантики.

После таверны все вместе отправились в Дворец Белых Облаков, огромное здание, в котором карнавал только начинался, но уже были сотни танцующих и веселящихся. Девушки уединились в своём углу, явно что-то замышляя, а Таус с котом под мышкой, сытым и поэтому послушным, прогуливался по внутреннему балкону третьего этажа, откуда хорошо просматривался этаж первый: перекрытия между этажами были построены не везде. Он углядел, что девушка, которая показалась ему похожей на Юмиллу, вынула телефон и стала писать кому-то сообщения. Это навело его на мысль тоже написать ей. Без особых изысков он, придерживая сонного и поэтому желеобразного кота, одной рукой напечатал: «Ты сегодня прекрасно выглядишь». И отправил Юмилле.

Юмилла, по случаю небольшой температуры решившая пропустить празднование первой ночи Томарии и сидевшая в этот момент дома, с некоторым удивлением прочитала послание, критично себя оглядела (толстый вязаный свитер, плед до подбородка, пуховый платок на шее, вязаные носочки и кружка чая), нашла себя и в самом деле недурной и в ответе поблагодарила молодого человека и спросила, как у него настроение.

Таус, наблюдая за наряженной девушкой, не расстающейся с телефоном, увлёкся и написал Юмилле не меньше дюжины проникновенных сообщений, на которые получил довольно тёплые ответы. Девушка дома скучала, и ласковые слова Тауса немного развлекли её. Довольно быстро она поняла, в чём дело, и написала сестре, нет ли где-то неподалёку Тауса. Юнитта тут же позвонила и, смеясь, рассказала, как молодой человек всеми правдами и неправдами пытался выяснить, кто есть кто, а потом сел рядом с Аймари, очевидно, приняв её за Юмиллу, и делал большие успехи в дипломатическом искусстве, а теперь вот стоит на балконе и кому-то пишет со сверхсветовой скоростью. Решено было пока ни в чём не признаваться Таусу: зачем разрушать сказку?

Внезапно молодой человек вспомнил, что велосипед он оставил ещё у таверны, а потом, слегка ослеплённый очарованием ночных русалок, совсем забыл про него. Он спустился на первый этаж, отпустил на волю кота, незаметно (как ему показалось) прокрался к выходу и пропустил через площадь Акаций, освещённую малиновыми фонариками. По площади гуляли парочки и компании наряженных подростков, звучала музыка, но Таусу эта романтика почему-то не казалась близкой.

У таверны стоял старичок Хадоке и задумчиво тёр подбородок, глядя на велосипед – он вообще питал к ним страсть. Хадоке был очень честным человеком, но все знали, что если он где-то поблизости, велосипеды лучше не оставлять без присмотра. Он с некоторым разочарованием поглядел, как Таус седлает велосипед, и пояснил, что захотелось прогуляться, вот он

и оказался у таверны. Таус же подозревал, что на самом деле старичка привлёк запах свежесмазанной цепи.

Минуты две Таус, откатившись на безопасное расстояние, раздумывал, поехать ли снова во Дворец или вернуться домой: глаза уже слипались, да и время было около трёх часов ночи. Разум возобладал, кинув спасительную мысль, что девушкам всё равно не до него, и через полчаса молодой человек уже смотрел седьмой сон.

Наутро он услышал за дверью требовательное мяуканье. Кот, кормленный им ночью досыта, каким-то чудом нашёл путь к дому Тауса и теперь сидел под дверью и внимательно глядел на изумлённого молодого человека. «Ничего себе, а говорят, коты не преданные животные», – неторопливо размышлял Таус, оценивая содержимое холодильника. Кот удостоился сосиски с хлебом, после чего благодарно лёг посреди комнаты, где было пятно осеннего солнца, и, зажмурившись, всем своим видом дал понять, что теперь это его законная обитель. Молодой человек, собственно, не возражал.

Позавтракав сам, он отправился по магазинам и едва ли не столкнулся нос к носу с Юмиллой, спешившей с письмами на почту.

– Привет, – сказала она ему, чуть смущённо улыбнувшись. – Спасибо за вчерашние слова, было очень приятно, и совершенно ничего страшного, что в третьем часу ночи. Я всё равно сидела дома и скучала, так что было очень мило с твоей стороны.

– Как сидела дома? Привет, – сглотнув, после паузы опомнился Таус.

Девушка рассмеялась:

– Ну я не виновата, что мы с Аймари так похожи.

Таус залился краской и в полном смущении потёр лоб ладонью.

– Прости. Я думал, это ты...

– Ничего страшного, – сказала Юмилла. – Я же говорю: мне было очень приятно. Проводишь меня до почты?

– Конечно! – воскликнул Таус чуть громче, чем хотел, снова смутился, и чтобы этого не показать, крепко взял девушку за руку, и они пошли рядом.

– Дальше я сама, это надолго, – сказала Юмилла у здания почтамта и испарилась.

Таус вздохнул, зашёл в магазин, набрал еды себе, коту и ещё на всякий случай, обнаружил, что оставил деньги дома, бережно разложил продукты по местам и пошёл за деньгами. На второй раз поход оказался удачнее; наконец, ближе к обеду Таус отправился на работу. Ещё полмесяца назад он твёрдо решил уехать из городка в столицу, но добрый рок помешал этому: молодой человек встретил своего друга, Ормана, который пригласил его работать к себе в студию. Таким образом была найдена совершенно уважительная причина не терять Юмиллу из поля зрения.

Девушка отправила письма и прислушалась к себе. Организм вынужден был признаться, что уже почти здоров: Юмилла предпочитала не затягивать с болезнями, и на простуду отводила себе от силы дня три, потому что жалко было времени, приведённого в обнимку с градусником и лимонным настоями.

Она зашла в «Мелодии ветра», где её с радостью встретила вся женская часть персонала и, перебивая друг друга, начала рассказывать о первой ночи Томарии. Особое внимание, конечно, было уделено молодому человеку с велосипедом и котом.

Девушки рассказали Юмилле, что на завтрашний день планируется увеселительное мероприятие «Бал глиняных горшочков»: Джалан-руми приглашает всех официанток и работниц кафе как почётных гостей, а сам будет приносить заказы и вообще исполнять обязанности девушек.

– Надо обязательно попросить его надеть кружевной передничек, – серьёзно сказала Талина.

– А я ему ленточки в волосах заплету, – мечтательно произнесла Аймари, розовея от смеха.

– Аймари! – укоризненно сказала Эмегильда. – Ты же собиралась со своим кавалером прийти. Какие уж тут ленточки?

– Как какие, розовые, конечно, – поддержала подруг Юмилла.

...Через час она неторопливо шла по аллее Осеннего цветения, подбрасывая носком туфель обесцвеченные листья, улыбалась сама себе и думала, как здорово, когда от смеха болят щёки. Где-то в заводях мыслей пушистыми снежинками падали воспоминания о ночных посланиях, об уютном плеле; вспоминались приятные фразы на разных языках – в качестве упражнений девушке нравилось придумывать комплименты на разных языках.

Юмилла увидела фиолетовый лист, наклонилась и подняла его. Цвет был необычный, а лист – словно вырезанный из ветхой бумаги. По черенку листа полз крошечный жук с синеватой спинкой. Девушка подумала, что видела таких много раз, но до сих пор не знает, как они называются. Жук обиделся, взмахнул крылышками и исчез. Тогда Юмилла набрала целый букет разноцветных листьев, стараясь, чтобы оттенки не повторялись. Короткое пальто в разноцветную клетку, тёмно-зелёные брюки, радужный букет и символический зелёный берет – посреди океана осени девушка казалась островком хорошего настроения и радости. Хотелось улыбаться, подарить кому-то своё настроение в цветной упаковке, смотреть, как этот кто-то развязывает ленты, разворачивает хрустящую упаковочную бумагу слой за слоем, а внутри сияет что-то очень-очень радостное.

Девушка достала телефон, подумала пару мгновений и отправила Таусу сообщение: согласен ли он принять участие в празднике, который готовится завтра в «Мелодиях ветра». И если да, то она торжественно приглашает его на «Бал глиняных горшочков».

Ответ был коротким: «Да». И семнадцать восклицательных знаков.

3 ноября 2009

6

Совершенно невозможно представить себе другое место, чтобы незнакомая девушка ласково дотрагивалась пальцами до шеи, лба и ушей, приветливо разговаривала бы, ходила бы вокруг, глядя только на тебя и аккуратно причёсывала. Таус сидел в парикмахерской, облачённый в белое, и старался не заснуть. Мягкие прикосновения, мерное жужжание машинки, стрекотание ножниц мастерицы и её соседки, бормотание диктора по радио, тёплый свет и солнечная погода за окном – всё, решительно всё было направлено на то, чтобы расслабить и усыпить.

Идиллия была нарушена тем, что девушка-парикмахер (Олеана Таулис, как прочитал молодой человек на табличке рядом с зеркалом), стряхнув мягкой щёткой остатки волос, сняла с него белую накидку. Он кинул прощальный взгляд на её тонкие руки, расплатился и вышел. Воображение, как обычно, рисовало картины продолжения знакомства. Потом он взял себя в руки, подумав, что всё-таки приглашён на праздничный обед в кафе, и приглашён девушкой, тут же приказал себе забыть имя симпатичной парикмахерши, записав его в блокнот на всякий пожарный случай.

Сначала Таус забрёл в библиотеку, взял почитать «Историю Сундари» и учебник японского языка, чтобы при случае блеснуть перед Юмиллой. Про себя он отметил, что многие серьёзные вещи у него начинались именно с того, что он хотел быть или показаться не хуже других. Именно так он научился водить машину, играть на «тэйнала» – пятиструнной гитаре, нырять в прорубь и, что важно, выныривать обратно.

На пути домой он вовремя вспомнил про кота, купил ему еды столько, что хватило бы и на царский стол. Правда, всю сразу не отдал: пожалел животное.

Наконец, стрелки часов обнаружили уже ближе к полудню, и молодой человек отправился в кафе.

На входе красовалась табличка: «Бал глиняных горшочков». И коротенький текст пояснения для тех, кто тут первый раз: «Просим соблюдать предельную осторожность. Сильные мира сего не сильны изящно разливать вина в бокалы Арайонского стекла, будучи на грани праздника. Вход с домашними питомцами разрешён. Весь вечер на арене – Джалан Кайтано. Добро пожаловать; выход только по специальным приглашениям».

Таус почесал в затылке и, помедлив мгновение, вошёл. И Юмилла, и Талина рассказывали ему про загадочного хозяина «Мелодий ветра», но не до такой же степени.

Было ещё рано до назначенного времени, и внутри сидело совсем немного народу. Были уже Юмилла с сестрой Юниттой, верная спутница Талина, рядом с ними ещё пара девушек, у гардеробной помогал снимать плащ Аймари её молодой человек – с ними он успел познакомиться. Были два смутно знакомых немолодых мужчины, каждый в своём углу и за газетами, был едва знакомый Исфакхани, который, не отрываясь от чаши «аламура», приветственно помахал Таусу рукой, и ещё сидела за соседним столиком девушка в синем поблёскивающем платье, писала что-то, изящно выпрямив спинку и склонив голову с богатыми волосами. Таус отметил про себя, какие у неё изящные пальцы, и устремился к Юмилле, чтобы засвидетельствовать своё почтение.

Девушка в этот раз была в праздничном «сурани» сдержанных сливовых оттенков, расшитом разноцветными цветами, и в элегантных сливовых же брюках-клёш, намекавших на серьёзные нравы хозяйки и на любовь к экспериментам. Она улыбнулась Таусу, встала и представила ему незнакомых девушек: Самийу и Литту, сидевших рядом, и Олеану, сидевшую в синем платье за соседним столиком. Когда Таус произносил «Очень приятно» в третий раз, фразу он не договорил: девушка оказалась утренним мастером из парикмахерского салона. Олеана улыбнулась ему и пояснила, что её смена на сегодня закончилась.

Наконец, собрались и все остальные приглашённые, и среди изысканно одетых гостей наконец появился Джалан-руми в костюме пирата с повязкой через один глаз и в огромной шляпе: он нёс в каждой руке по не менее масштабному подносу, один из которых он водрузил на стол, за которым сидел Таус. Молодой человек чувствовал себя более чем уютно: по левую руку сидела Олеана, по правую Юмила, и он усердно начал ухаживать за обеими, накладывая им горячего и закусок и разливая лёгкого розового вина. Напротив сидела Талина, которая улыбалась ему уголками глаз, когда их взгляды встречались. Их стол был самый большой, так что за ним уместилось очень много гостей, и знакомых, и полужнакомых, и тех, с кем только что довелось познакомиться – имена слегка смешались, так что Таус предпочитал называть по имени только тех, в ком был уж совсем уверен. Он отметил, что мастерство и ловкость рук Олеаны проявляется не только в салоне: она уверенно справлялась с самыми сложными блюдами, а Джалан-руми в этот раз превзошёл сам себя: чего стоили одни только блинчики с букетом паштетов, выложенных орнаментами и перемежаемых пряными травами и неожиданной поздней клубникой. Были тут и фирменные блюда «Мелодий ветра» – и фаршированные груши, и знаменитые булочки «ламарсан» во всём многообразии, и половинки томатов, заполненные миниатюрными салатами, и поджаренные до коричневой корочки куриные грудки с лимоном и под соусом ядовитого цвета, неясного происхождения и изумительно острого вкуса; селёdochка с горчицей, нарезанная вдоль и снабжённая маслом, сахарным луком и кислыми ягодками, также присутствовала; котлетки с отверстием посреди и прозрачной освежающей подливкой в гарнире из картофельных шариков не заставили себя ждать: за хозяином следовали подозрительно европейские по рисунку лица мулаты в расшитых одеждах и унащали столы всё новыми яствами.

Приборы весело зазвенели о тарелки и блюда, из кувшинов и гигантских бутылей наливались вина и холодные напитки, мясо с рисовыми колобками только что с жаровни уютно скворчало, а из приземистых старомодных динамиков, как оказалось, уже звучал старый американский джаз, и в паузах саксофон выводил изобретательные соло, словно подчёркивая изысканность кухни и праздничное настроение. Золотисто-коричневые «тансан» были почти целиком спущены, и кафе заливал мягкий свет от фонариков, развешанных по стенам. Мулаты молниеносно убрали лишнюю посуду, заботливо выкладывали салфетки и помогали гостям сражаться с особо сложными блюдами: не всякий знал, как управляться с двойным ножом или для чего нужна приземистая кружка без дна, но с двумя ручками.

Когда первый шквал перемены блюд утих, и можно было уже выбирать, что особенно по вкусу, за столами воцарились живые беседы, подбадриваемые кристальными винами. Разрумянившаяся Талина, девушка обычно молчаливая, оживлённо рассказывала:

– Я вот недавно с удовольствием прочитала книгу рецептов 1907 года. Понимаете, как люди жили, как тонко чувствовали... Знаете, они вот готовили суп. Брали шесть рябчиков. Из первых трёх варили бульон, а еще из трёх делали фарш, типа фрикаделек. И вот после слов «выньте рябчиков из бульона» – это про первых трёх – о них больше ничего не известно. И это в книге, где описываются экономные рецепты! Меня так волнует судьба этих трех первых рябчиков, это ужас просто.

Девушки хохотали, судьбы рябчиков и их дальнейшие приключения придумывались самые невероятные, а молодые люди раскуривали вишнёвые трубки и с удовольствием слушали щебетание и сами рассказывали истории.

Таус, совершенно не выспавшийся ночью, расслабился. Глаза медленно, но верно закрывались. Обильный праздничный обед, тепло, потрескивающие дрова в камине, уютная атмосфера – как тут не уснуть. Он уселся поудобнее и, придав лицу выражение бесконечного блаженства, перестал бороться с тяжестью в веках.

Вся компания, давась от смеха, наблюдала, как голова Тауса медленно опускается всё ниже и ниже. Талина тихо и внятно сказала:

– Кто спит, встать!

Таус немедленно вскочил. Поправил причёску, воротник и снова сел, смущённо улыбаясь под дружный хохот девушек.

– Тау-руми, – молвила Юмилла, безуспешно пытаясь сохранить серьёзность, – как можно спать, когда так весело?

– Я не сплю. То есть сплю, только наполовину.

– Одним глазом? – уточнила Самийя.

– Обоими, – подумав, ответил Таус, – но не до конца.

– На сколько процентов каждым? Это важно, – обеспокоенно спросила Талина.

– На пятьдесят, – не ощущая подвоха, сказал он, ощутило проснувшись и разыскивая глазами кофе.

– Один на пятьдесят и второй на пятьдесят. То есть оба вместе на сто процентов. Получается, что ты совсем спишь?

Таус внимательно поглядел на Талину, прокручивая в голове варианты ответа:

– Нет. Каждый на пятьдесят. И вместе на пятьдесят от общего количества. То есть каждый на двадцать пять процентов от общего количества. Я понятно объясняю?

– погоди, – снова вмешалась Юмилла. – Всё же непонятно. Каждый на пятьдесят, и вместе на пятьдесят. Получается, что пятьдесят плюс пятьдесят равно тоже пятьдесят?

Таус шумно вздохнул, налил себе апельсинового сока и пояснил:

– Да нельзя так складывать!

– Вот и я говорю, что нельзя, потому что пятьдесят плюс пятьдесят равняется сотне!

Молодой человек был спасён тем, что ширма у стены раздвинулась, появился в сюртуке заливчатского зелёного цвета Джалан-руми и голосом заправского конференсье объявил танцы. Тотчас же зазвучала живая весёлая музыка, гости с удовольствием встали со своих мест, и кафе превратилось в палубу корабля под вечерними звёздами: музыка, полумрак и сияние разноцветных огней, качающихся от шума и весёлых танцев.

Когда быструю музыку сменила медленная, Таус успел поочерёдно подержать в объятиях и Юмиллу, и её очаровательную строгую сестру, и Талину, и даже Олеану, медленно кружась по вощёному паркету.

Вдруг музыка стихла, и Джалан-руми, уже в клетчатом лапсердаке и неведомо зачем с тростью, важно выйдя на середину, объявил конкурс на лучшую танцевальную пару. Дело было серьёзное: никаких особенных танцев Таус не разучивал и сейчас несколько досадовал на себя за это. Он сел на место и налил себе бокал вина, едва пригубил и стал смотреть на пары, под самую разную музыку танцующие в центре залы. Юмилла сидела на стуле, наблюдая за происходящим, и Таус прекрасно понимал, как ей хочется сейчас встать и показать своё мастерство.

Но тут зазвучали звуки ирландской мелодии, и к Юмилле подошёл молодой человек в очках, невысокий, но с прямой спиной и пронизательным взглядом. Он подал ей руку, девушка встала, поблагодарив, и они тут же выбежали в центр и с первых же мгновений настолько сплелись с мелодией, приводящей в движение даже самых сонных гостей, так живо исполнили парный танец, что все аплодировали стоя. Хозяин остановил музыку и, хлопнув гигантской рукой по столу, крикнул басом, перекрывающим все крики «браво»:

– Ещё!

И поставил музыку заново.

Все ожидали повторения танца. Но, очевидно, Юмилла с молодым человеком были настоящими мастерами. Двигаясь всё быстрее и быстрее, вплетая в свои движения степ, в прыжках паря и словно зависая над полом и выбивая молниеносную дробь носками обуви, они кружили друг друга – все гости с замирающим дыханием смотрели, как их ноги опережают

друг друга и скользят по полу, совершая по двадцать шагов в секунду, а верхняя часть тела остаётся почти без движения, – и они окончили танец ровно с последним звуком скрипки.

Выдох восхищения раздался по всему кафе, а аплодисменты не смолкали так долго, что Джалан-руми успел наделить всех участников конкурса призами, а пару победителей в подарках просто утопил.

Таус наконец узнал парня-победителя. Это был Кономо, у которого в средних классах школы все соседние парты списывали грамматику. Он ходил в очках чуть ли не с рождения, а время от времени удивлял бывших одноклассников чем-нибудь, например, однажды выиграл в столице соревнования по боксу. Таус почувствовал в себе неподотчётную ревность, но быстро осадил себя.

Он пообещал себе с завтрашнего дня учиться ирландским танцам. Благо, учительница живёт в двух кварталах.

Вечер шёл, гости ели, танцевали, пили и пели, за окнами совсем стемнело, и фонарики становились всё тусклее, сообщая зале кафе доверительную уютную обстановку.

Наконец, остались гореть лишь свечи.

Таус поискал глазами Юмиллу. Она сидела на подоконнике, обняв одну коленку и покачивая другой ногой, обутой в чёрный блестящий сапожок на каблучке. Молодой человек следил за грациозным движением, сопровождаемым лёгким колыханием поблёскивающей ткани в темноте.

Он вспомнил снова, что произошло года назад. Тогда он сильно увлёкся белокудрой Итано с огромными ясными и наивными глазами и пухлыми губками. Она ехала в короткой светлой шубке домой с ним на автобусе, они разговорились и после этого очень долго не могли расстаться. А с Юмиллой чуть раньше медленно, как падение капель, начинались очень романтические отношения, и делать ей больно совсем не хотелось.

Таус проговаривал эти слова про себя, заученные до автоматизма, как если бы собирался писать автобиографию, сухую и ясную.

В один из прохладных ноябрьских дней молодой человек увидел Юмиллу неторопливо идущей вместе с каким-то парнем вдоль парка Танумэн. Тут же взвинтив себя до предела, но оставаясь внешне спокойным, он быстрым деревянным шагом пришёл домой, написал короткое и едкое письмо девушке, дошёл до почтового ящика, вдруг опомнился и разорвал листок с адресом в клочья. После чего, едва не опоздав, добежал до автобуса, где его уже ждала Итано, и уехал из городка. И не появлялся в нём около двух лет. Итано ушла от него в январе следующего года, но тогда ему было уже очень стыдно возвращаться к Юмилле.

Сейчас Таус смотрел на девушку, мечтательно любующуюся разноцветными фонариками под потолком, и думал, сколько же в ней терпения и доброты.

Он встал, откусив для храбрости кусок шоколада, задумчиво прожевал его, подошёл к Юмилле и протянул ей руки. Она с улыбкой опёрлась на них и легко прыгнула вниз.

...Они стояли совсем рядом, любясь серебристым шумом реки внизу. Мост над Нум-Хет, которому не исполнилось ещё и двух месяцев, надёжно висел над бездной.

– Ты знаешь, – произнесла вдруг Юмилла, – в Эминарской высшей школе разобрались в причинах происшествий и признали меня невиновной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.